

УДК 339.9

РЕСУРСНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНОПОЛИЙ. КОЛОНИАЛИЗМ 2.0

Климовец О. В.¹, Черенков В. И.²

¹*Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Краснодар, Российская Федерация*

²*Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E-mail: new_economics@mail.ru

Авторы статьи предлагают несколько по-новому, в контексте проблем реализации концепции устойчивого развития, обратиться к многовековой истории ресурсной обеспеченности европейских метрополий, которую в наше время в глобальном масштабе практикует географически неограниченный «коллективный Запад». Отмечается, что упорно продвигавшаяся концепция инклюзивно-устойчивого развития находится в неразрешимом противоречии с постоянно воспроизводящимся деформированным разделением труда между ядром и периферией (по Валлерстайну) мир-системы капитализма. Сделано предположение, что многие постколониальные исследования в известной степени характеризуются апологетикой колониализма.

Ключевые слова: Колониализм 2.0, постколониальные исследования, устойчивое развитие, ядро и периферия мир-системы, вестернизация, транснациональные корпорации, инклюзивно-устойчивое развитие.

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2022 г. в СМИ были воспроизведены две цитаты. Одна – из выступления Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля, чем-то перекликающаяся с «The White Man’s Burden» Киплинга, подобна расширенной оговорке по Фрейдю с имплицитным страхом потерять сладкую жизнь «золотого миллиарда»: «Европа – это сад. Мы построили сад: все работает, это наилучшая из когда-либо созданных человеком комбинаций политической свободы, экономического процветания и социального сплочения... Остальной мир, большая часть других стран мира – это джунгли. А джунгли могут совершить вторжение в сад» [2]. Другая – выдержка из выступления Президента России Владимира Путина на церемонии подписания договоров о вхождении в состав России новых территорий: «Запад готов переступить через все для сохранения той неокOLONиальной системы, которая позволяет ему паразитировать, по сути, грабить мир за счет власти доллара и технологического диктата, собирать с человечества настоящую дань, извлекать основной источник незаработанного благополучия, ренту гегемона» [14], где четко определена колониальная природа построения [«Мы построили сад» – Sic!] этого «сада». Сопоставление того, ЧТО (сад... процветания – Ж. Боррель) имеет и стремится сохранить коллективный Запад с тем, КАК и ЗА СЧЕТ ЧЕГО (сохранение неокOLONиальной системы... источник незаработанного благополучия – В. В. Путин) это было получено, приводит к мысли еще раз обратиться к вопросу об осуществимости интенсивно продвигавшейся концепции «инклюзивно устойчивого развития» (inclusive and sustainable development) в условиях современного капитализма.

В русскоязычной литературе указанная концепция также именуется

«инклюзивное устойчивое развитие» [10]. Заметим, что в указанном источнике несколькостораживает однозначный и диссонирующий с нашими сомнениями по поводу осуществимости данной инклюзии в рамках современного империализма оптимизм авторов (в частности, основанный на Йоханнесбургской декларации десятого саммита БРИКС), которые заключают «что нас ждет инклюзивное будущее» [там же, с. 33], в котором подразумеваются «равные возможности для людей, чтобы вносить свой вклад в экономический рост и пользоваться его благами» [там же]. Также обнаруживаемая в другом источнике [6] несколько сомнительно, на наш взгляд, выглядит (хотя бы по Парето), надежда на «масштабное действие механизма перераспределения», который может обеспечить «инклюзивное устойчивое развитие». Полноты ради укажем, что в российском научном обороте эта же концепция иногда представляется еще и как «инклюзивное и устойчивое развитие» [12]. В то же время утверждается [28] и, на наш взгляд, вполне резонно с точки зрения глобальной этики [8], что для реализации устойчивого развития необходимо такое развитие, которое является одновременно как инклюзивным, так и устойчивым, обеспечивая синергический эффект между действиями людей и соблюдением природных условий. Формально даже семантически термин «инклюзивное устойчивое развитие» соответствует имеющемуся в литературе [6] и разделяемому нами утверждению, что развитие не может быть устойчивым, не будучи инклюзивным.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Действительно, по истечении почти 30 лет с момента представления *urbi et orbi* доклада «Our Common Future» во многих последующих обсуждениях проблем устойчивого развития приобретает силу идея инклюзивного социального развития, которое должно гарантировать всем людям материальное благосостояние, доступ к качественному здравоохранению, образованию, услугам и товарам, необходимым для достойного существования, а также такие социально-политические и культурные достижения, как чувство безопасности, человеческого достоинства и способности быть частью сообщества, в котором признаются права каждого члена и обеспечивается представительство его интересов [12]. Если обратиться к Целям устойчивого развития (ЦУР) – Agenda 2030 [18], то можно заметить, что акцент документа Agenda 2030 сделан на инклюзивность, что особенно четко отражается в следующих ЦУР: ЦУР 8 – содействие устойчивому и в то же время инклюзивно-устойчивому росту с созданием рабочих мест; ЦУР 10 – расширение возможностей и содействие социальной, экономической и политической интеграции всех, независимо от возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии, экономического или иного статуса; ЦУР 11 – сделать города и населенные пункты инклюзивными, более безопасными и устойчивыми; ЦУР 16 – продвижение развития мирных и инклюзивных обществ, а также инклюзивных институтов [29, р. 5]. Также в документах Международной организации труда определено [27, р. 20], что инклюзивно-устойчивое развитие требует такого управления экономическим ростом, которое обеспечивает достойную работу, иными словами, производительную, качественную работу, формализованную

и социально защищенную, позволяющую преодолеть бедность и неравенство и открыть для любого региона возможности прогрессивного развития.

Стремление, как истинное, так и демагогически-спекулятивное, продвинуть в глобальном масштабе концепцию инклюзивно-устойчивого развития [25] связано с тем, что в практике глобального социально-экономического развития не все элементы общества как внутри стран, так и в сравнении между странами, оказались способны показать равные возможности развития или извлекать выгоду из тех или иных международных программ, что вызывает разочарование в подобных программах и чувство несправедливости, несмотря на активно пропагандируемые социальные инновации. Традиционно основным показателем экономического развития остается увеличение ВВП на душу населения (или душевой ВВП), отражающее рост экономической производительности и среднего уровня материального благосостояния населения страны. Понятно, что в этом показателе заложены всего лишь потенциальные возможности перехода к устойчивому развитию, но не качественная связь с ним, тем более, принимая во внимание неравномерное душевое распределение национального богатства, фактическое отсутствие таковой связи с инклюзивно-устойчивым развитием (inclusive and sustainable development) [26]. Макроэкономические показатели развития стран (например, душевой ВВП) часто критикуются, поскольку за усреднением как раз и теряется та самая инклюзивность в уровнях развития и качестве жизни как между разными странами, так и социальными слоями в одной стране. Тем не менее, подобные показатели отражают на макроэкономическом (региональном) уровне не только уровень экономического развития в целом, но все же характеризуют потенциал возможностей перехода к устойчивому развитию, поскольку, как это признано на международном уровне [11], собственно устойчивое развитие «включает в себя три взаимосвязанных и подпирающих друг друга основы – экономическое развитие, социальное развитие и охрану окружающей среды» [ibid., p. 6]. В соответствии с представлениями Валлерстайна [3], современная мировая торговля, несмотря на «свободу выбора» продавца/покупателя в рамках либерализации международной торговли, оценивается как неэквивалентный обмен (пусть не столь баснословный и очевидный, как ожерелье, бутылка рома, несколько одеял и ножей за остров Манхэттен), поскольку развитые (developed) страны сильнее (экономически, политически, информационно, инновационно) менее развитых (less developed, developing, emerging, etc.), что позволяет первым, составляющим ядро мир–системы капитализма, присваивать в условиях внешне эквивалентного и свободного обмена добавочную стоимость в ущерб более слабым странам периферии. Эта специфика отношений «ядро–периферия», сохраняющей признаки колониализма современной мир–системы капитализма, была четко сформулирована в ходе анализа вышеуказанной работы Валлерстайна, где она обличена в следующую лапидарную формулу: «Ядро – это, грубо говоря, зона, приобретающая при обмене часть прибыли, а периферия – зона, теряющая её [17].

На глобальном институциональном уровне эта центр–периферийная неравномерность капитализма, более чем полтысячи лет подпитывающая его развитие, также воспроизводится, например, через ВТО, которая имеет по

отношению ко всем странам капиталистической периферии одну и ту же цель: не допустить, чтобы эти страны стали в будущем конкурентами метрополии, и для этого отнять у государств периферии право на самостоятельное законодательство и на регулирование деятельности ТНК в этих странах [7]. Не менее интересно отметить, что воспроизводству подобной мир-системы способствует на уровне социально-экономических систем отдельных стран морфологически тождественное «межклассовое» отношение типа «центр-периферия», когда национальная компрадорская буржуазия колоний и полуколоний «играет» на стороне метрополий. Исторические корни этого явления лежат в том [20, с. 10], что внутри колониальных социумов формировались иерархии, в рамках которых выходцы из цивилизованных метрополий занимали руководящие позиции в администрации и создавали экономическую и интеллектуальную элиту. В результате Второй мировой войны и последующей поддержке национально-освободительного движения Советским Союзом произошло то, что называлось крахом колониальной системы. Однако бывшие, ставшие формально независимым колонии продолжают занимать место эксплуатируемой периферии в обновленной мир-системе неоколониальных отношений, получивших в «модных» терминах цифрового общества название «Колониализм 2.0» [24], где «глобальная ойкумена [коллективный негеографический Запад – авт.] продолжает функционировать как капиталистическая мир-система с ее глубоким дисбалансом между центром и периферией» [17, с. 66]. В отношении центр-периферия (звучит как некий эвфемизм для отношений «метрополия-колонии»), именуемых «Колониализм 2.0», глобальная экспансия капиталистических рынков достигается уже не военно-политическими методами, а за счет введения в действие законов и правил, гарантирующих «справедливые» взаимоотношения с глобальным капиталом [24]. Нет особой необходимости доказывать, что неоколониализм XXI века, или «Колониализм 2.0» – явление гораздо более изощренное и живучее, чем, скажем, колониализм XVII в. («Колониализм 1.0»), но вопрос о несовместимости трансформированного колониализма с реализацией концепции устойчивого развития, что внешне неплохо выглядит в борьбе Западной Европы за нулевой карбоновый след в своих городах, но невольно приводит к вопросам типа «А как получить чистую электроэнергию в необходимом количестве для ожидаемой массы электромобилей? А куда девать или как перерабатывать автомобильные аккумуляторы?». Тем более, что устойчивое развитие без признака инклюзии является всего лишь вариацией традиционного выведения «грязных» производств за пределы упомянутого Ж. Боррелем «сада». В русле фактических отношений «Колониализма 2.0.» расположены не только «бывшие» колонии Азии, Африки и страны Латинской Америки, где находится большинство авторов работ на эту и связанные с ней темы. Не миновала чаша сия (может быть в несколько иной форме) и Россию, да и остальные вышедшие из СССР и «социалистического лагеря» страны. Поскольку отмечено [16], что вестернизация, проникающая практически во все поры современного российского общества и понимаемая как процесс перехода от традиционных обществ к современным путем прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ исторически отличалась тем, что ее инициатором обычно становился сам Запад, а формой ее осуществления была

преимущественно колонизация.

Как нами определялось ранее [19], современный капитализм не снимает основное противоречие капитализма и не отменяет его основной закон. Коллективный Запад смог выстроить эффективную систему финансово-экономического господства над странами периферии мирового хозяйства, природа которой соответствует термину «Колониализм 2.0», а иногда [1] – «Колониализм 3.0.», где выделяются три механизма: (1) военно-политический; (2) финансово-индустриальный; и (3) электронно-цифровой. Именно третий механизм предопределил появление пока еще не получившего широкое распространение термина «Колониализм 3.0.», что соответствует современному технологическому укладу. Несколько иначе, сохранившее основные цели традиционного колониализма («Колониализм 1.0»), современное мир–устройство капитализма XXI века предлагается называть «экономический империализм» [9, с. 978], целью создания и функционирования которого является «обеспечение доступа Запада к природным, человеческим (трудовым) и интеллектуальным ресурсам остального мира и их эффективная эксплуатация в интересах элиты Запада» [там же]. Многомерность репрезентации современного империализма может быть подчеркнута и такими прилагательными, как «технологический» и «информационный» [4]. Следует заметить, что понятия империализм и колониализм связаны неразрывно, поскольку империя подпитывается благами своих колоний, начиная с Древнего Рима, чему свидетельствует [13] и то, что на рубеже XIX и XX вв. понятие империализма стало употребляться в массовом сознании в качестве эквивалента колониализму. Таким образом, можно сказать, что империализм и колониализм неразрывно связаны как в политико-экономическом, так и в информационном пространстве. Представление колониализма как антитезы концепции инклюзивно-устойчивого развития выглядит довольно очевидным и в наибольшей степени присутствует во многих работах авторов из менее развитых и так называемых развивающихся стран.

ВЫВОДЫ

В заключение представления критического подхода к возможности реализации концепции инклюзивно-устойчивого развития в условиях «Колониализма 2.0» и империалистической природы современного капитализма в целом, отметим, что существует следующая дилемма инклюзивно-устойчивого развития: либо это средство спасения человечества от грядущих социальных, финансовых и экологических катастроф (трактовка современного неолиберализма), либо это очередная заманчивая социальная демагогия и камуфляж сущности капитализма (трактовка современного неомарксизма) [15]. Наконец, эти краткие заметки о противоречии между колониальными признаками современной мир–системы капитализма и задачами инклюзивно-устойчивого развития были бы неполными без хотя бы упоминания о постколониализме, который иногда предлагается «рассматривать как “реакцию” на колониализм или отход от него» [21, с. 24], что, на наш взгляд, близко к многолетней дискуссии о том, что принесла европейская цивилизация в свои бывшие колонии [в свою неоколониальную периферию – авт.], возможный интересный анализ которой выходит далеко за рамки этой краткой

статьи. Впрочем, апологетические черты постколониальных исследований можно в известной степени заметить в географии центров таких исследований [5], определяемых бывшими классическими метрополиями. Верно, на наш взгляд, выявлено [22], что зарубежные исследования постколониализма (или «Колониализма 2.0») утверждают появление нового империализма как характеристики современных попыток колонизации, а также современное существование империи в рамках дискурса глобализации, выраженной в виде консолидации власти метрополии и либерально-демократического государства, и выстраивают функциональные модели взаимодействия империи и колонии. Таким образом, по своей роли постколониальные исследования (одной из своих сторон) чем-то напоминают существующий в дискурсе устойчивого развития «зеленый камуфляж» (green washing) [23], спекулятивно практикуемый рядом компаний и банков, а разрешение противоречия между идеей инклюзивно-устойчивого развития и сохраняющейся (несколько закамуфлированной) империалистической природой Колониализма 2.0 видится возможным лишь при кардинальной не модернизации, но трансформации мир–системы капитализма, о конкретных формах которой говорить сегодня едва ли возможно, но искать соответствующую концепцию необходимо.

Список литературы

1. Беляев А. (2018) Деколонизация в ИТ. [Электронный ресурс]. URL: https://alfadoc.ru/var/storage/wysiwyg/knowledge/20180328/post_113918.pdf
2. Климовец О. В. «Цифровой шелковый путь» как стратегия инновационного развития Китая. В сборнике: ДИАДА МАЙСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ–2021. Сборник содержит материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Власть, бизнес, образование: шаг в будущее» и II Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект: техногенность против социальности». 2021. С. 95–102.
3. Валлерстайн И. (2008) Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. [Электронный ресурс]. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/>
4. Войцеховский С. Н. Интеграционная теория действия о сопряжении экономической подсистемы и политической подсистемы общества // Журнал научных и прикладных исследований. 2016. № 12. С. 112–118. [Электронный ресурс]. URL: <http://gnpi.ru/wp-content/uploads/2013/08/GNPI-12-2016.pdf>
5. Климовец О. В. Обеспечение экономической безопасности страны в условиях меняющихся геостратегических приоритетов // Экономическое развитие России: точка баланса в мировой экосистеме и инфраструктура будущего: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 17–20 мая 2022 года / Под редакцией И. В. Шевченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 183–189.
6. Давыдов В. Устойчивое развитие как общий знаменатель // Международная жизнь. 2019 Октябрь. С. 32–55 [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2252>
7. Климовец О. В. Увеличение экономического потенциала за счет использования цифровых интернет–платформ // Фундаментальные исследования. 2022. № 6. С. 73–78.
8. Иоселиани А. Д. Глобальная этика и моральные ценности современного общества [Электронный ресурс]. URL: https://studref.com/631697/filosofiya/globalnaya_etika_moralnye_tsennosti_sovremennogo_obschestva
9. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
10. Лопухин А. В., Плаксенков Е. А., Сильвестров С. Н. Финтех как фактор ускорения инклюзивного устойчивого развития // Мир новой экономики. 2022. № 16 (1). С. 28–44.
11. От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии // Европейская экономическая комиссия ООН и Программа развития ООН, New York and Geneva [Электронный ресурс]. URL:

https://unece.org/fileadmin/DAM/publications/oes/ECE_RIO_20_RUS.pdf

12. Пряжникова О. Н. Социальная и солидарная экономика: возможности для устойчивого развития // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. – М.: ИНИОН. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/>

13. Рогов И. И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // Terra Economicus. 2010. № 8 (3.2). С. 260–267 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-i-imperializm-istoriya-ponyatiy-i-sovremennyu-mir/viewer>

14. «Совсем спятили уже?»: антизападный манифест от Владимира Путина // РИА Новости 30.09.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/565435>

15. Таничев А. В. Инновации устойчивости как ключ к проблеме реализации концепции инклюзивно-устойчивого развития // World scientific and technical trends 2021. 2021 (декабрь). Германия. SWorld – Conference 2021

16. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/upfile/root/biblio/kapitalizm_2008.pdf

17. Фурсов А. Капитализм сквозь призму мир–системного анализа // Предисловие к русскому изданию книги Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. 2008. С. 8–74 [Электронный ресурс]. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/>

18. Цели в области устойчивого развития (п.а.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

19. Черенков В. И., Цой Е. В. Противоречия и перспективы реализации концепции устойчивого развития // Вопросы новой экономики. 2020. № 2.

20. Шимов В. В. Цивилизационный подход в современной политике. Минск: БГУ, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/283980/1/Shimov.pdf>

21. Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО–Университета. 2022. № 14 (3). С. 23–38

22. Язовская О. А. Гудова Ю. В. Империалистический дискурс в постколониальную эпоху: обзор концептуальных подходов // Общество: философия, история, культура. 2018.

23. De Freitas Netto S. V., Sobral M. F. F., Ribeiro A. R. B., Da Luz Soares G. R. Concepts and forms of greenwashing: A systematic review // Environmental Sciences Europe. 2020. № 32 (1). P. 19.

24. Foster J. Review of Capitalism, The American Empire, and Neoliberal Globalization by Kenneth E. Bauzon. Janus Unbound // Journal of Critical Studies. 2021. № 1 (1). P. 102–109. [Электронный ресурс]. URL: <https://media.neliti.com/media/publications/419154-review-of-capitalism-the-american-empire-dea456d7.pdf>

25. Johnson B., Andersen A. D. Learning, innovation and inclusive development: New perspectives on economic development strategy and development aid. Aalborg University. Aalborg, Denmark: Aalborg University Press. [Электронный ресурс]. URL: <https://econpapers.repec.org/bookchap/aalglothr/lics.htm>

26. Taniechev A. V. Innovation in the context of inclusive and sustainable development: Pro & Contra. In: SWorld. Conference 2021 «World scientific and technical trends' 2021», P. 150–156

27. Twenty-first century challenges for the Americas: full and productive employment and decent work. ILO (International Labour Organization) Report of the Director-General, Lima, October. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_300402.pdf

28. Sijabat R. Promoting inclusive and sustainable development through social innovation and social entrepreneurship // TECH MONITOR, 2016. Jul–Sep. P. 15–30 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/319122333_Promoting_inclusive_and_sustainable_development_through_social_innovation_and_social_entrepreneurship

29. Van Gent Sh. Beyond buzzwords: What is “Inclusive Development”? // Synthesis report, ASC, Leiden [Электронный ресурс]. URL: <https://includeplatform.net/wp-content/uploads/2017/09/Beyond-buzzwords.pdf>

Статья поступила в редакцию 21.11.2022